

[Система]: Я не хочу, чтобы после съёмок я не смог поступить в университет. Если актёрская карьера не сложится, а вторая дорога окажется закрытой, я пропал.

[Система]: Тогда мне придётся жить за твой счёт, ха-ха. Улыбка/

[Пэнчэн Ваньли]: В какой университет ты хочешь поступить?

[Система]: Наверное, в Университет Хуа. А вот с выбором специальности я пока не определился.

Чэн Пэнфэй увидел сон.

В этом сне всё было наполнено яркой жизненной энергией: грибы разговаривали, а огромная змея, обвивавшая дерево, ела красное яблоко.

В озере лежал обнажённый человек и улыбался ему.

Чэн Пэнфэй проснулся в холодном поту, вытер лицо.

Нижнее бельё было влажным, а он даже не мог вспомнить лицо того человека.

Маленький городок всегда был тихим. Уже было около восьми утра, а в переулке только начали раздаваться крики играющих детей.

Чэн Пэнфэй сидел на берегу реки, и даже восходящее солнце не могло развеять его мутные мысли.

Он отряхнул пыль с брюк, купил два больших паровых булочки и направился домой.

Девушку, с которой он снимал квартиру, звали Чжу Янь. Она занималась проституцией.

Молодая и красивая, она была занята с утра до вечера. Иногда, когда клиенты пытались уклониться от оплаты, Чэн Пэнфэй помогал ей, возвращая их и давая пару пинков.

Сейчас в комнате только что закончился шум. Чжу Янь приняла душ, промыла презерватив и отложила его в сторону, ожидая следующего клиента.

Она была завернута в ночную рубашку, обнажая изящные ключицы.

— Пэнфэй, ты вернулся?

Чэн Пэнфэй кивнул, протянул ей булочки и сказал:

— Сестра Янь, презервативы нужно менять на новые, иначе можно заболеть.

Это сказал врач, который приходил в переулок проводить бесплатные консультации. Болезнь может быть неизлечимой.

У Чжу Янь были миндалевидные глаза, которые немного опухли от переутомления прошлой ночью. Она улыбнулась, подтянула уголки глаз ногтями, окрашенными в ярко-красный цвет, и сказала:

— Что ты, малыш, понимаешь?

Презервативы были дорогими, и все свои деньги она откладывала, чтобы отправить их домой, где её муж, получивший травму на стройке, остался без ноги.

Чэн Пэнфэй понял, что не сможет её переубедить, кивнул и зашёл в свою комнату.

В комнате была только односпальная кровать, а мебели почти не было. В углу лежали кучи лапши быстрого приготовления и пива, а также окурки, не выброшенные в мусорное ведро.

Вчера Чэн Пэнфэй помог Ван Ицюэ, и тот дал ему четыреста юаней. Он купил мобильный телефон, пополнил счёт на сто юаней, получив ещё сто в подарок, и оплатил месячную абонентскую плату.

Он включил телефон и зашёл в свой QQ.

Его девушка не была в сети, аватарка была серой.

Снаружи было шумно. Чэн Пэнфэй резко поднялся, почесал живот и выглянул в окно.

Соседка, бабушка Сюй, стояла наверху с лопаткой для жарки и ругалась с кем-то на улице.

Причина ссоры была проста: бабушка Сюй вывесила бельё за пределы своей территории, и капли воды попали вниз. Внизу как раз сушили сушёные овощи, и после обеда они стали ещё более мокрыми.

Обе стороны были не из тех, кто легко сдаётся. Женщина внизу взяла кухонный нож и крикнула бабушке Сюй:

— Твой сын ни на что не способен, вот ты и лезешь ко мне? Говорю тебе, старая, лучше будь вежлива с соседями, а то умрёшь, и никто тебя хоронить не станет!

У бабушки Сюй были седые волосы, но голос был громким. Она размахивала лопаткой и кричала:

— Ты, соседка, не бойся, что язык твой отвалится от таких слов! Я жила в этом доме, когда ты ещё в мешке у отца своего была! Чей сын ни на что не способен? Мой сын уже женат, а твой сколько баллов на экзаменах получил?

Женщина внизу фыркнула:

— Да-да, говоришь, что женат. А он тебя на свадьбу позвал? Мамой тебя назвал? Просто стыдно ему, что ты не можешь купить ему дом, вот и не зовёт!

Бабушка Сюй надулась, и её волосы, казалось, поседели ещё больше.

Эта еженедельная драма, повторявшаяся четыре-пять раз в неделю, закончилась только тогда, когда муж женщины вернулся домой, и обе стороны наконец успокоились.

Чэн Пэнфэй наблюдал за этим зрелищем. Бабушка Сюй топалась ногами, видимо, чувствуя, что не смогла достойно ответить. Она обернулась, увидела Чэн Пэнфэя, прислонившегося к двери, и плюнула:

— Пф! Лучше бы ты не возвращался, чем жить в этом доме всю жизнь!

Чэн Пэнфэй не обиделся на этот намёк. Когда бабушка Сюй зашла в дом, он тихонько забрал

два солёных яйца, лежавших у окна, и вернулся в свою комнату, отдав одно Чжу Янь.

Солёные яйца бабушки Сюй были вкусными. Она не держала их долго, вынимая через одну-две недели, и желток всё ещё был жидким, а белок — идеально солёным.

Чэн Пэнфэй вышел из дома, грызя солёное яйцо, но бабушка Сюй заметила его и погналась за ним до конца переулка, прежде чем остановиться, тяжело дыша. Он посмотрел на телефон.

[Система]: Сегодня закончил съёмки. Бабушка пришла на съёмочную площадку, принесла мне пирожки с луком, ха-ха.

[Система]: Фото.jpg.

На фото была голубая коробка для еды, снятая очень чётко. Пирожки с луком выглядели свежими, и от одного взгляда на них слюнки текли.

Чэн Пэнфэй остановил взгляд на руке, которая, казалось, держала пирожок. В кадр попала и её рука — длинные пальцы, аккуратно подстриженные ногти, очень чистая.

Просто она казалась немного больше его собственной.

Чэн Пэнфэй глупо поднял свою руку, посмотрел на неё и затем с улыбкой ответил.

[Пэнчэн Ваньли]: Бабушка тебя очень любит.

[Система]: Конечно, я же её внук.

[Система]: Кстати, я сейчас снимаюсь в городе С. Эм... Если тебе удобно, может, встретимся?

Чэн Пэнфэй почувствовал, как сердце заколотилось. Он невольно потрогал свои жёлтые волосы.

Встреча. Он сможет прикоснуться к ней, даже поговорить.

Ещё ничего не произошло, а уши Чэн Пэнфэя уже покраснели. Он опустил голову на руки и молчал.

[Система]: А, если ты занят, то ничего страшного.

[Система]: Правда.

[Система]: Почему ты молчишь?

[Пэнчэн Ваньли]: Встретимся.

С той стороны через некоторое время пришло сообщение с указанием времени и места встречи — на окраине города.

Чэн Пэнфэй не мог скрыть своего волнения, уткнувшись лицом в экран телефона.

Помимо денег, которые дал Ван Ицюэ, у него оставалось пятьсот сорок юаней. Чэн Пэнфэй спрятал большую часть денег в щели между кирпичами и взял с собой сорок.

Небо затянуло тучами, и где-то появившиеся облака полностью закрыли солнце. В воздухе

витала духота. Даже цикады перестали петь.

Чэн Пэнфэй зашёл в парикмахерскую. Парикмахер, Чжоу Чжоу, знал его. Он, как и Чэн Пэнфэй, приехал сюда в поисках лучшей жизни. Однако он сразу понял, что нужно учиться ремеслу, и теперь сидел впереди, дремая. Увидев Чэн Пэнфэя, он сонно сказал:

— Ты как здесь оказался? Хочешь покраситься?

— Да, — сказал Чэн Пэнфэй, дёргая свои жёлтые волосы. — Можно временную краску?

— Сколько у тебя?

— Двадцать.

— Чёрт, бедняк, — пробормотал Чжоу Чжоу, но всё же украдкой зашёл в кладовку за краской. Выбрав между десяти- и двадцатиюаневой краской, он взял десятиюаневую.

Временная краска наносилась быстро. Чэн Пэнфэй склонил голову и вздремнул. Когда он проснулся, странная краска уже исчезла, остался только дешёвый запах лаванды.

Он встал, посмотрел на себя в зеркало и на мгновение почувствовал, что не узнаёт себя.

В футболке и рабочих штанах, с чёрными волосами, он выглядел так же, как когда только приехал сюда. Глаза с приподнятыми уголками, тонкие губы. В хрупком теле подростка скрывалось множество переживаний.

Чжоу Чжоу посмотрел на него и сказал:

— Будь у меня такое лицо, я бы уже женился.

Чэн Пэнфэй очнулся и с улыбкой протянул ему двадцать юаней.

Небо затянуло ещё сильнее. Он быстро направился домой, но не успел пройти и половины пути, как его позвал Ван Ицюэ.

Те парни, похоже, не оставили их в покое и снова вернулись. Возможно, им было стыдно за прошлый раз, и они сразу пошли к дому Ван Ицюэ, забрав мальчика.

Ван Ицюэ был в панике и разбил две бутылки пива в комнате.

Когда Чэн Пэнфэй вошёл, бутылка как раз разбилась у его ног. Стекло мгновенно рассыпалось на мелкие осколки, которые хрустели под ногами.

— Ты знаешь, куда они его увели?

— Нет, наверное, на завод, они обычно там.

Чэн Пэнфэй кивнул, искал в комнате подходящее оружие и сказал:

— Может, вызвать полицию?

— Полицию? — Ван Ицюэ широко раскрыл глаза. — А куда я потом дену своё лицо? Кто захочет быть моим подчинённым?

Чэн Пэнфэй сжал губы и молчал. Ван Ицюэ глубоко вздохнул, достал из ящика кухонный нож и протянул ему.

Чэн Пэнфэй нахмурился, глядя на нож.

На лезвии остались пятна от фруктов, которые не стирались.

<http://bllate.org/book/15547/1413502>